

A. P. ...

...

...

Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 10 //Издательство «Правда»,
Москва, 1977
FB2: "Ustas ", 2006-08-04, version 1.0
UUID: 98E3D8E0-170D-4208-A014-F36A2A12605F
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Собака

(«Морские рассказы» #0)

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0012
III.....	.0017
IV.....	.0023
V.....	.0028
VI.....	.0035

**Константин Михайлович
Станюкович
Собака
(Из далекого прошлого) [1]**

В исходе девятого часа прелестного летнего утра, когда на военном корвете “Могучий” приканчивалась обычная “чистота” и затихло деловое артистическое сквернословие старшего офицера Ивана Ивановича и боцмана Рябова, просвистали:

— На капитанский вельбот!

Через пять минут из каюты вышел высокий, худощавый, рыжеватый капитан, лет сорока, в статском мешковатом платье, с цилиндром на голове и в желтых перчатках. Видимо сердитый, нервно подергивавший рыжую бакенбарду, торопливо прошел он мимо фронта офицеров, обязанных провожать и встречать командира, мимо караула и фалгребных, спустился в свою щегольскую шлюпку и уехал на берег — в Сан-Франциско.

В ту же минуту на бак прибежал Никишка.

Так все звали капитанского вестового, шустрого, чернявого матроса, лет за тридцать, с плутоватыми глазами продувной шельмы.

Он вошел в кружок матросов, собравшихся

выкурить трубочку махорки у ведра с водой, не без некоторой важности закурил у фитиля капитанскую “чирутку” и, пыхнув, после двух-трех отчаянных затяжек, дымком сигары, видимо торопившийся “огорошить” интересною новостью, значительно и серьезно проговорил:

— Ну и вовсе взбесился Собака!

Никишка остановился и бросил взгляд бегающих черных глаз на присутствующих — какова, мол, сила впечатления?

Но “серьезные” матросы, постарше, не обнаружили особенного любопытства. Дескать, Собака и есть собака.

Однако все-таки насторожились. Недаром же Никишка околачивается около капитана и хоть “беспардонная душа”, а не всегда врет.

И Никишка загадочно прибавил:

— А по какой такой причине Собака взъерепенился и заспешил на берег, ровно с шилом в спине?..

Никто из матросов не догадывался. Снова старики не считали приличным обнаружить нетерпеливое желание узнать о причине.

Но один матросик-первогодок с любопыт-

ством испуга спросил:

— А что, Никишка?

— Вернулся, братцы вы мои, Собака ночью с берега, и не треснумши, а в трезвом понятии! — говорил Никишка, обращаясь не к простоватому матросику, а к “серьезным” матросам. — И как влетел это в каюту: рр-раз-два... три!.. Прямо звезданул в морду!.. Небось ловко! Погляди-ка! — не без оживления и точно хвастаясь, рассказывал Никишка, показывая на подтек под глазом. — И затем, братцы, пошел: “Собачий ты сын, сукина ты дочь!..” А сегодня проснулся и давай чешать... И как встал, сей секунд: “Позвать, Никишка рассякой, старшего офицера!..”

Никто не спросил, за что “звезданули” Никишку. Все знали, что Собака дрался и зря, да, по-видимому, и не особенно жалели Никишку.

Обиженный таким равнодушием, Никишка внезапно нарочно оборвал рассказ о причине съезда капитана на берег, возбуждивший любопытство, и, рассчитывая на сочувствие, воскликнул не без пафоса:

— Просто сил нет моего терпения. Вот

возьму да и сбегу, как в прошлом году сбежал Трофимов...

Слушатели деликатно молчали. На некоторых лицах промелькнули сдержанные, недоверчивые улыбки.

Только Лещиков не промолчал.

Пожилой, коренастый и далеко не казистый фор-марсовой, невоздержанный на язык, особенно после возвращения с берега, когда пьянее пьяного вслух мечтал о таком “закон-положении”, по которому всех капитанов и офицеров “собак” будут гонять “скрозь строй — войди, мол, в понятие”, — этот “занозистый” матрос, как называла его команда корвета, не без презрительной усмешки, спокойно кинул:

— Скажи, какой обидчистый!.. Так и сбежит?

— Начху на Собаку и сбегу! — хвастливо повторил Никишка, разумеется, и не думавший о побеге.

— Меня и без денег форменно лупцуют, и за дело, и по спопутности, а ты, беспардонная вестовщина, в отместку за бой и лупцовку небось шарить капитанские карманы!..

Сколько вчера нашел монет, Никишка?

В кучке засмеялись.

— А если б и нашел? — с нахальным задором ответил Никишка.

— То-то, прикопливаешь к России.

— Так что же? Я и после берега в полном своем рассудке и по присяге завсегда в вежливом повиновении у Собаки! Можешь это понять, Лещиков, по своей отчаянности?.. А Собака как со мной? И боем донимает, и на бак гоняет: “для полировки, мол, крови”. Ты обмозгуй, что я безотлучен при Собаке и день и ночь. Так ежели он в таком подлом, можно сказать, карахтере со своим вестовым, я и не смей тогда упользоваться какой-нибудь мелочишкой?

— Шкуру твою велит снять, ежели поймает тебя, Никишка, в своих карманах!.. Это ты помни! — промолвил Лещиков.

— Меня, Никишку, поймает!

— А ты думал, ни разу не поймал, так не попадешься?

— Это который дурак, тот влопается, а я, слава богу, матрос с рассудком! — самодовольно воскликнул Никишка, видимо уверен-

ный в том, что шкуру с него не снимут...

И после паузы не без апломба продолжал:

— Собака и не знает, сколько у него по карманам мелких денег. В “портамете” считает, а мелочью брезговает. И что ему, Собаке, ежели вестовому перепадет? Небось я портамета евойного не касаюсь... Коснись, тогда форменно украл. А ежели да за свою каторжную жизнь франок, шильник, да много-много пятьдесят центов прибрал — это вроде быдто нашел... Все равно, обронить мог на берегу Собака!.. Или взял сигарку... Скажи пожалуйста, какая беда!..

Никишка так горячо и возбужденно защищал право деликатных находок в карманах капитана, которого можно звать Собакой, и притом так моргал лукавыми глазами, что едва ли все слушатели поверили его защитительной речи и верно подозревали, что Никишка несравненно шире пользуется забывчивостью капитана, чем говорит.

Все молчали. Даже Лещиков не поднимал спора.

Тогда Никишка проговорил:

— Очень Собака надеется... Пожалуй, и

поймает на берегу!

— Да ты про кого это? — нетерпеливо спросил кто-то.

— Про Трофимова... Собака вчера встрел его в городе и сегодня поехал за ним. “Со дна, говорит, достану подлеца!”

Эта новость произвела сильное и тяжелое впечатление. Вся команда любила и жалела беглеца — тщедушного матроса, не стерпевшего частых порок и сбежавшего с корвета.

Несколько мгновений стояло молчание.

И наконец Лещиков решительно проговорил:

— Так и поймал!

— То-то и есть! — радостно подтвердил молодой матросик.

— Нет такого закона, чтобы вернуть беглого, ежели он ничего дурного не сделает... Небось, как в прошлом году Трофимов скрылся, его и не ловили... Концырь тогда сказывал, что никак, мол, нельзя!..

Так говорил Лещиков, а в душе трусил за товарища. Просветлели и матросы.

— Вот то-то и есть! Собака из-за самого этого и распалился! — сказал Никишка. — И вчера зверствовал надо мной и сегодня. А старшего офицера призвал и ему обсказал, как это встрел на улице Трофимова. “Идет, гово-

рит, подлец, и ровно господин какой... Форсисто одетый в вольной одеже, в штиблетах и цигарку курит. Можете, говорит, это понять?" Это Собака старшего офицера спрашивает, а сам со злости ажно побелел. Старший офицер молчит, а Собака шипит, точно глотку перехватило: "И ведь смотрит на меня; изменник присяги и, подлец, еще смеет смотреть... Хучь бы не смел показываться... Ну, говорит, я окликнул: такой, мол, сякой... "Ты присягу нарушил и обязан вернуться, ежели не есть подлец!" А он-то: "Я, говорит, здесь не такой-сякой, а вольный человек и вернуться не согласен. А ты, говорит, проваливай". И еще шляпу в насмешку приподнял и пошел"... После этого Собака к концырю... да не застал концыря. И сказывал старшему офицеру, что ежели концырь не поймают Трофимова, то дойдет до губернатора и всю полицию грозит поставить, чтобы вернули ему изменника... "Узнает, мол, тогда, как присягу нарушать! Я, говорит, ему шкуру сниму да под суд отдам... Пусть скрозь строй пройдет!"

Никишка не без удовольствия передавал эти подробности. И, словно бы желая возбу-

дить в слушателях мрачные опасения, прибавил:

— Как бы не сцапали Трофимова... Не показывайся Собаке на глаза! Не дерзничай!

Матросские лица омрачились.

И вдруг раздались подавленные голоса:

— Тогда Трофимову крышка!

— Собака-злодей изничтожит!

— И какой душевный матрос был!

— А в гроб вгонит человека!

А Никишка, словно бы подтверждая этот приговор, проговорил:

— Очень даже просто!

— А ты не каркай! — взволнованно и сердито сказал Лещиков. — Ты ведь и врать поперек себя толще!

— Что мне врать?.. Какая такая причина врать!.. Что слышал, то и обсказал...

— Довольно даже подло обсказываешь... Разве не знаешь, что мериканская полиция не может забрать Трофимова... Да он, может, теперь и не Трофимовым прозывается, а мериканцем... Небось у них и пачпортов нет, а не то что прописка... Поймай-ка. Выкуси! Так и поймал со своей Собакой, беспардонная ду-

ша!

— Ты что лаешься? Разве я ловить буду?.. А я тоже беру в понятие, что люди говорят... Очень даже хорошо понимаю насчет пачпортов, а небось полиция и без прописки все знает... Разущет... И российского человека нетрудно разыскать... Он сейчас себя окажется! — настаивал Никишка не столько из уверенности в поимке беглеца, сколько из злобного чувства к Лещикову.

— И опять врешь... Теперь Трофимов в вольной одеже совсем другой стал на вид человек... Как, мол, найти, что он Трофимов... Всех жителей, что ли, пересмотрит Собака?

— На пристани увидит наш офицер да сейчас городовому: бери, мол!

— Офицер на такую подлость не пойдет... И городской не послушает... Это ты по своей подлой выдумке прешь...

Чем более Лещиков втайне смущался доводами Никишки, тем сильнее горячился и презрительнее взглядывал на Никишку, испытывая желание раскровянить его “продувную морду”.

Никишка увидал, что Лещиков “на точке”,

примолк и снова закурил сигару.

В это время в кружок вошел баталер Иванов.

— Вы это о чем? — небрежно спросил он, закуривая трубку.

— Да вот насчет Трофимова, Петрович! — взволнованно проговорил Лещиков, питая к старому унтер-офицеру некоторую слабость, как к заведующему раздачей водки, который иногда позволял Лещикову выпить две чарки вместо положенной одной, если Лещиков покупал вторую чарку у кого-нибудь из непьющих.

— Относительно какого, примерно сказать, обстоятельства? — задал вопрос баталер, любивший в качестве бывшего писаря выражаться, как он говорил, “по-благородному”.

— Да вот шельма Никишка брешет, что Трофимова обязательно поймают... для этого и Собака на берег уехал — ловить!

— Ни в жисть. Это одно “благоухание”! — авторитетно произнес баталер.

Он любил это слово и употреблял его в разных, им же придуманных смыслах, когда хо-

тел выразить что-нибудь невозможное или не стоящее внимания.

И нередко, когда кто-нибудь просил Петровича разрешить вторую чарку, он отвечал:

— Проваливай! Это одно благоухание!

— Так не поймают, Петрович? — обрадованно спросил Лещиков.

— Никто и ловить не станет, хоть десять концырев проси у всех губернаторов...

— Ну? — недоверчиво протянул Никишка.

— То-то “ну”. А ты не нукай, беспардонная Никишка, коли тебе объясняют, чего ты понять не в силе своего рассудка... Тоже о себе много полагаешь!..

— Диковинно что-то, по моему рассудку, Иван Петрович! — заискивающе промолвил Никишка.

— Нет ничего диковинного для образованного человека! Обмозгуй, ежели в малом понятии, Никишка! Ничего концырь не поделает, как ни постарайся для твоей Собаки! Он скажет здешнему начальству: “Пожалуйста мне беглого российского матроса первой статьи Федора Трофимова, сделайте такое одолжение, господа сенаторы!” А сенаторы ему в

ответ: “По какой такой причине? Чем виноват мистер Троф?” Это американцы, наверно, так уж обозвали по-своему Трофимова, чтоб не копать! — вставил баталер и продолжал за сенаторов: — “Убил ли Троф, или украл? Ежели, мол, дадите доказательство, мы будем ловить Трофа и судить по своим закон-положениям. А ежели доказательства нет, то какие мы имеем права ловить и судить человека?.. У нас вольная сторона... Живи кто хочет”.

На лицах матросов светились удовлетворенные улыбки.

Матросик радостно промолвил:

— Небось Петрович зря не скажет. Он все знает!

— Ну что, вестовщина, слышал? — насмешливо спросил Лещиков.

— Уши-то есть... Только и Собаку слышал... Он в уверенности поехал на берег! — заметил Никишка.

— Сдурел от бешенства и в уверенности. Вроде быдто под хвост перцу Собаке подсыпали... А как вернется, небось поймет образование! — категорически промолвил баталер.

И прибавил:

— Вот новый адмирал приедет из России, так Собаку утихомирят... Нынче другие пойдут права... Адмирал не любит, чтобы безо всякого образования тиранили матроса...

Матросы жадно слушали баталера.

— Скоро ли приедет?.. — раздались многие голоса.

— Слышно, скоро! — отвечал баталер.

И кто-то спросил:

— Пожалуй, адмирал ослобонит нас от Собаки? Как ты полагаешь, Петрович?

— Адмирал с большим рассудком. Нижнего чина не считает вроде арестанта. Небось не станет держать на эскадре такую Собаку! Обязательно отрешит и отправит в Россию! — уверенно проговорил баталер.

Все, по-видимому, были в большой радости от адмиральского рассудка. Только Лещиков, казалось, не удовлетворился им.

— Ежели адмирал с большим рассудком, то по-настоящему следовало бы Собаку сквозь строй! — сказал Лещиков.

Это замечание вызвало веселый сочувственный смех.

— Как полагаешь, Петрович? Не вышло такого закон-положения? — прибавил Лещиков.

— То-то не вышло! — засмеялся баталер.

— Довольно-таки жалко, что не вышло! А в здешней стороне есть такой закон-положение?

— Скрозь строя нет...

— И у мериканцев, значит, нет строгости для начальства? — допрашивал Лещиков.

— Очень даже строго... Ежели ты здесь хоть начальник да начхал на закон, не похвалят... Отдадут под суд и в тюрьму... А то и повесят!.. Одно благоухание! — прибавил Петрович, придавая любимому своему слову положительный смысл.

— Это правильно... Ловко с “собаками”! Небось не смеют, идолы!.. А наши-то, которые шкуры снимают, ничего не боятся! — проговорил Лещиков.

— Вот новые права дадут — побоятся... Скоро шабаш порке! — сказал баталер. — Приедет адмирал, выйдет объявка! А уж Собаку непременно уберут.

— Еще когда уберут, а он задаст сегодня благоухание! — не без злорадства бросил Ни-

кишка.

С этими словами он захихикал и вышел из круга курильщиков.

IV

Капитанский вельбот пристал к берегу во втором часу.

Вахтенный мичман Загорский встретил капитана у входа на палубу в официально-почтительной позе, приложив руку к козырьку белой фуражки, и юное жизнерадостное лицо мичмана слегка улыбалось.

Капитан остановил на нем тяжелый холодный взгляд и в то же мгновение почувствовал злобу к мичману именно за то, что он улыбался. Капитану казалось, что мичман радуется оттого, что капитан “оскандалился”, потерпев полную неудачу на берегу.

И он резко кинул:

— Брам-штаг не вытянут. Полюбуйтесь!

Загорский тогда догадался, откуда “разнос”, и взглянул на озлобленное худое лицо капитана.

“Опрохвостился, опрохвостился, опрохвостился!” — говорили, казалось, веселые, улыбающиеся глаза мичмана.

Лицо капитана позеленело.

Он отвел глаза и быстро прошел, ни на ко-

го не глядя, в свою каюту.

— Видно, не выгорело. Не заперет Трофимова! — шепнул мичман, обращаясь к старшему штурману.

— Еще бы. Мы ведь в Америке!..

Через пять минут Никишка, только что подавший капитану форменное платье, вбежал в кают-компанию и доложил старшему офицеру:

— Капитан просят, ваше благородие!

Никишка вернулся из кают-компании и сказал:

— Сей секунд придут, вашескобродие!

С этими словами Никишка скрылся в своей крохотной каютке за дверь капитанской каюты и стал обшаривать карманы штанов и жилетки статского платья. Он с большею свободой, чем обыкновенно, выбирал мелкие деньги и прятал их в карман своих штанов.

“Теперь хоть всю мелочь обирай!” — весело думал Никишка, хорошо знавший, что забывчивость Собаки прямо пропорциональна его гневному настроению.

Однако Никишка деликатно отложил две десятицентные монетки и принес их в капи-

танскую каюту.

— В штанах, вашескобродие! — доложил он и положил две монетки на стол.

— Вон! — крикнул капитан.

И, когда Никишка исчез, капитан, обращаясь к Ивану Ивановичу, присевшему на кресло, заговорил:

— Нечего сказать, хорош русский консул. Никакого содействия. Скотина этакая!

И в бессильной злости продолжал:

— Я напишу управляющему министерством. Я буду жаловаться на консула. Так нельзя... Я к нему приезжаю, объясняю, а он еще смеется... Отказался даже съездить к губернатору. Говорит: бесполезно. И это консул!.. Ну и страна тоже подлейшая. Укрывают беглых. Но, если они не желают вернуть мне беглого, я сам распоряжусь...

— Как, Петр Александрович? — осторожно спросил старший офицер.

— А так, как должен поступить русский капитан... Надо схватить Трофимова и привезти на корвет. Этот мерзавец, наверно, придет на пристань, чтобы подговаривать других.

— Как бы чего не вышло, Петр Александрович!

вич! — заметил Иван Иванович.

— А что может выйти? Разве я не могу взять своего матроса?

— Он в чужом государстве, Петр Александрович.

— А наплевать мне. Он мой матрос! — упрямо говорил капитан, очевидно имевший довольно смутные понятия о международном праве.

Старший офицер дипломатически молчал.

— И я попрошу вас, — продолжал капитан, — объявить унтер-офицерам, что если они доставят на корвет беглеца, получают награду.

Это приказание покорило старшего офицера.

Иван Иванович считал капитана слишком крутым, убежденным поклонником жестоких мер и притом неумным человеком, который не понимал новых веяний шестидесятых годов и во флоте.

Но, вышколенный строгой морской дисциплиной и рассчитывавший на скорое командирство, Иван Иванович не смел и подумать о неисполнении приказа капитана, как

оно ни безнравственно, и ответил:

— Слушаю-с, Петр Александрович!

Однако все-таки после паузы прибавил:

— Боюсь только, Петр Александрович, что унтер-офицеры не исполняют приказания.

Капитан угрюмо молчал. Казалось, он и сам мало на это надеялся.

— Вы думаете? — спросил он.

— Почти уверен.

— Кто поедет с первой вахтой на берег?

— Мичман Неверин.

— Пошлите его ко мне... И все-таки отдайте мое приказание!

— Есть! — проговорил старший офицер официально-недовольным тоном.

Через минуту явился мичман Неверин.

Когда капитан приказал ему схватить Трофимова, если он будет на пристани, мичман вспыхнул и, негодующий, ответил, что не может исполнить такого приказания.

На мгновение капитан опешил.

— Под арест! — крикнул он и этим, казалось, разрешил вопрос о своем капитанском престиже.

— Первая вахта, собирайся на берег! — вселю прокричал боцман Рябов после того, как проделал руладу на свистке.

И боцман хотел было спуститься на кубрик, чтобы приодеться на берег, где рассчитывал основательно попробовать виски, о которой рассказывали шлюпочные, как с вахты крикнули:

— Подшкипер, баталер, боцман и унтер-офицеры первой вахты, на ют!

Они тотчас же явились к старшему офицеру, недоумевающие, что их позвали не на бак, где обыкновенно объяснялся старший офицер по служебным делам.

Перед этими “баковыми аристократами”, которых Иван Иванович, случалось, без малейшего стеснения, в минуты служебного гнева, и бил и наказывал линьками, в настоящую минуту чувствовал себя сконфуженным, словно бы виноватым и заслуживающим больше чем неодобрения. Но, чтобы скрыть свое смущение, он представился сердитым и старался таращить свои круглые, далеко не

злые глаза, когда умышленно строгим тоном сообщил, что будет выдана денежная награда тем из собравшихся, которые доставят на корвет изменника, нарушившего царскую присягу, — беглеца Трофимова.

И, словно чтобы показать, что не он отдает это приказание, Иван Иванович еще суровее прибавил:

— Капитан приказал мне передать это вам... Слышали?

Несколько секунд длилось молчание.

И боцман Рябов первый проговорил, опуская глаза:

— Слушаю, ваше благородие, но только никак невозможно, ни за какие деньги... Вовсе обидно боцману, ваше благородие! Я, кажется, не замечен...

— И где его найти, ваше благородие! — прибавил более дипломатичный подшкипер.

— Осмелюсь доложить, ваше благородие: нет такого закон-положения, чтобы ловить людей в Америке!.. За это тебя ж обвиновят американцы... И не дадут ихнего Трофа! — промолвил баталер.

— Какого там Трофа? — спросил старший

офицер.

— Да самого Трофимова, ваше благородие... Он теперь во всей форме быдто американец!

Другие молчали. Но их подавленные лица явно показывали, что приказание капитана не будет исполнено.

— Я вам передал приказание... Живо собирайся на берег! — вдруг свирепо крикнул старший офицер.

Но, несмотря на этот тон, все понимали, что Иван Иванович не сочувствует приказанию капитана.

Весть о приказании капитана вызвала среди матросов чувство негодования.

— Чем выдумал облещивать Собака! — говорил, одевая чистую рубаху, Лещиков. — Полагает, найдутся Иуды...

И, увидав одного унтер-офицера, на которого не надеялся, Лещиков громко прибавил:

— Посмей кто тронуть Трофимова, искровяним до смерти! Ты это помни, шилохвостый унтерцер!

— А ты что зря лаешься, Лещиков! — вступился, подходя, боцман. — Небось не найдет-

ся бессовестной души на конверте, чтобы заманить беглого... Так и стали ловить!.. Пусть Собака зря посылает.

Матросы первой вахты, приодетые, стали выходить на палубу, как вдруг сигнальщик крикнул вахтенному мичману:

— Конверт под адмиральским флагом идет, ваше благородие!

Мичман Загорский взглянул в бинокль в даль рейда.

Действительно, из-за острова показался русский корвет, который полным ходом шел на рейд, слегка попыхивая дымком из белой горластой трубы.

— Позывные! — весело скомандовал мичман.

На крюйс-брам-стеннге взвились позывные: “Могучий”. На адмиральском корвете ответили своими позывными: “Коршун”.

— К салюту! Дать знать капитану и старшему офицеру! — сделал распоряжение Загорский.

Все глаза жадно устремились на приближавшийся корвет под флагом адмирала с “большим рассудком”, и лица матросов свети-

лись надеждой.

Съезд на берег был отставлен. Баркасные подали баркас на бакштов и поднялись на палубу.

— К салюту приготовиться! — крикнул выбежавший наверх капитан.

Но в ту же минуту на адмиральском корвете был поднят сигнал: “Не салютовать”.

Корвет приближался. Капитан спустился и через две-три минуты поднялся на мостик в мундире, треуголке, при сабле на боку, готовый ехать к адмиралу с рапортом, как только “Коршун” бросит якорь.

Капитан был чуть-чуть бледен.

— Небось боится адмирала! — шептали матросы.

Уж “Коршун” был близко и несся прямо на корму “Могучего”.

— Команду во фронт!

Матросы выстроились по обеим сторонам шкафута. Офицеры — на шканцах. Капитан, старший штурман и старший офицер, повернувшись лицами к приближающемуся корвету, стояли на мостике и могли разглядеть “нового” начальника эскадры, который зорко

оглядывал “Могучий”.

Стояла мертвая тишина. Слышно было, как на “Коршуне” скомандовали:

— Малый ход!

“Коршун” “резал” корму “Могучего”.

Все офицеры на “Могучем” держали руки у козырьков. Приложил руку к козырьку и адмирал, но, казалось, не взглянул на капитана.

Пройдя почти вплотную около “Могучего”, адмиральский корвет круто повернул и пошел по борту “Могучего”.

— Здорово, ребята! — раздался громкий и приятный голос адмирала.

— Здравия желаем, ваше-ство! — раздался ответный крик полутораста матросов.

“Коршун” обошел “Могучего” и бросил якорь.

В ту же минуту капитан отвалил от борта и направился к адмиралу.

Матросов распустили из фронта.

Между ними шли разговоры об адмирале. Все находили, что, судя по лицу, он с большим рассудком. Даже по голосу его нашли признаки того, что он, верно, “добер”.

Еще бы! Им так хотелось, чтобы он был

“добер” и освободил наконец от Собаки.

Капитан что-то долго не возвращался.

Наконец вельбот пристал.

— Была, значит, выволочка! — шепнул боцман.

VI

Действительно, капитан взошел на палубу, видимо расстроенный.

Что-то растерянное, жалкое и недоумевающее было в его осунувшемся и словно постаревшем лице.

Он вошел в каюту, беспомощно опустился в кресло и задумался.

Наконец он переоделся и велел Никишке позвать старшего офицера.

— Не приказывайте унтер-офицерам ловить этого подлеца... Оказывается, нельзя! — с кислой усмешкой проговорил Нерешимов.

— Я уже передал ваше приказание, Петр Александрович!

— Отменить.

— Есть!

— Мичмана Неверина выпустить из-под ареста.

— Слушаю-с.

— И... и новый адмирал недоволен мною... Я, видите ли, бесцельно жесток с командой... Очень недоволен... И показал мне газеты... Нынче и газеты принимаются во внимание...

Как же-с.

— Какие газеты?

— Прошлогодние, американские... когда мы были в Сан-Франциско...

— Что ж там, Петр Александрович?

— Адмирал нашел, что в газетах писали позорные обо мне вещи... Что на рейде раздавались крики наказываемых людей... Видно, не надо было пороть в чужом городе да еще у подлецов, которые всякие пустяки печатают в газетах... Это, конечно, ошибка с моей стороны... Надо было пороть в море... И адмирал — он ведь нынче против строгих наказаний, а давно ли отлично перепарывал всех марсовых, если работали на минуту позже? — так он спрашивал: правда ли хоть часть того, что описано в газетах... Я, конечно, не врал ему... Мне нечего было стыдиться... Я сказал, что действительно строго наказывал матросов и считал себя вправе наказывать, чтобы корвет был в исправном виде, как следует военному судну... И не скрыл, что хотел поймать беглеца, если консул не хотел мне поймать негодя... И доложил, что если я и строг, то ради пользы службы... Зато у меня и работают!..

Марселя в пять минут меняют... Но... адмирал нашел, что будто бы всего этого можно достичь и без порки... Новые, видите ли, веяния, а я не умею приспособляться, как его превосходительство... Вчера дантист, а сегодня пишет против телесных наказаний... Читали статью адмирала в “Морском сборнике”?..

— Читал.

— Сказал, что назначит следствие, а пока... пока...

Челюсти капитана затряслись.

— А пока адмирал отрешил меня от командирства... Завтра съеду на берег и уеду в Россию... Советует подать в отставку... Новые, говорит, порядки... Телесные наказания отменены... Требования от капитанов иные... А я-то чем виноват! — прибавил капитан.

Он, видимо, не понимал, за что должен подавать в отставку. До сих пор его считали образцовым капитаном и вдруг...

— Больше не будет приказаний, Петр Александрович?

— Отпустить команду на берег и сегодня же примите от меня корвет...

Старший офицер ушел.

На корвете скоро узнали о новости, и корвет точно ожил. Обрадованные матросы благословляли адмирала. Многие крестились, что избавились от Собаки.

— Одно благоухание! — говорил, заплетая языком, баталер, возвратившись вечером с берега.

— Собаке бы сквозь строй! — кричал Лещиков, поднятый с баркаса на гордешке.

Собака слышал эти слова и не приказал “снять” шкуру с Лещикова.

Капитан долго ходил в эту ночь взад и вперед по шканцам и о чем-то думал и, казалось, чего-то не понимал.

С берега, горевшего огнями ярко освещенных домов, доносились звуки музыки. А усеянное звездами небо было так красиво. И ночь была тепла и обаятельна.

Но капитан ничего этого не чувствовал.

Ему жаль было расставаться с “Могучим”, которым командовал пять лет.

Ему тяжело было оставлять морскую службу, которую любил и с которой свыкся.

И он ходил по палубе, и по временам его

вздрагивающие губы шептали:

— За что? За что?

Примечания

Первая публикация не установлена. Помещено в сборнике “На “Чайке” и другие морские рассказы”, М., 1902.

[^^^]